

Анатолий МИНДЛИН

ОТЕЦ И СЫН

Пятого февраля 1943 года на улице Воровского в гостинной Клуба советских писателей собрались человек двадцать поэтов и прозаиков, из тех, кто оказался в это время в Москве. Многие были в военной форме.

Они пришли сюда, чтобы прослушать и обсудить только что законченную Павлом Григорьевичем Антокольским поэму «Сын».

Павел Григорьевич негромко, но отчетливо произнес:

— Памяти младшего лейтенанта Антокольского Владимира Павловича, павшего смертью храбрых шестого июля тысяча девятьсот сорок второго года.

Волнение, с которым автор прочитал первые же строки поэмы, передалось и слушателям.

— Вова! Я не опоздал! Ты слышишь?
Мы сегодня рядом встанем в строй.
Почему ты писем нам не пишешь,
Ни отцу, ни матери с сестрой?

.....

Почему в глазах твоих навеки
Только синий, синий, синий цвет?
Или сквозь обугленные веки
Не пробьется никакой рассвет?

Павел Григорьевич читал без перерыва более часа,
страстно, темпераментно жестикулируя.

И вот прозвучали заключительные строки:

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

.....
Мне снится, что ты еще малый ребенок.
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.
На этом кончается повесть о сыне.

Поэт закончил читать и обессиленно опустил голову
на руки.

Звонящая тишина заполнила гостиную. Долго никто не
решался ее нарушить. Наконец председательствующий
Перец Маркиш не очень уверенно спросил:

— Есть желающие высказаться?

И снова наступила тишина, которую нарушил чей-то
взволнованный голос:

— Разбирать сейчас поэму — кощунство. Тяжело го-
ворить, потому что она — крик сердца отца, человека...
Это самое сильное и самое лучшее из того, что создал
поэт...

И снова — тишина в гостиной.

Так происходило первое обсуждение поэмы «Сын».

* * *

Отец иногда присылал мне на фронт газеты «Красную
звезду» и «Литературу и искусство». Газетам и книгам у
нас цены не было. Каждая книга, невесть как попадавшая
к кому-нибудь в руки, передавалась как по эстафете — от
одного к другому.

И вот в одной из присланных газет я прочитал, что
вышла из печати поэма П. Г. Антокольского «Сын». Бомбар-
дирую отца просьбами прислать мне поэму. Однако все
его попытки купить книгу в магазинах успехом не увен-
чались.

Тем временем войска Ленинградского фронта, в составе
которого находилась и наша стрелковая дивизия, полностью

сняли осаду с Ленинграда и отбросили фашистские армии до Пскова.

В июле 1944 года, когда «солдатский телеграф» донес слухи о готовящемся наступлении, я убежал из армейского госпиталя, располагавшегося в лесах близ станции Торошино, и с трудом добрался до своего полка, который занимал оборону на подступах к Пскову.

Прибыв в полк, когда совсем уже стемнело, разыскал землянку командира роты. На столике, сколоченном из патронных ящиков, стояла гильза от 45-миллиметрового снаряда с горящим фитилем. За столом сидел командир роты, держа в руках маленькую книжечку. В разных углах землянки сидело еще четыре бойца. Я понял, что мой приход прервал чтение вслух. Докладывал, ожидая нахлобучки, что прибыл без аттестата, так как не выписывали и пришлось удрать. При этом взглянул на книжку и увидел крупные синие буквы «Сын». В волнении выхватил ее из рук командира роты.

— Откуда это у вас?.. — спросил я, еще не веря своим глазам.

И услышал ответ:

— Тебе прислали. А мы вот читаем.

Командир протянул конверт. Это было письмо отца, присланное вместе с книгой. Он писал, что, не сумев купить книгу, взял ее в библиотеке, и просил обязательно вернуть, как только прочту.

Командир предложил мне продолжить самому прерванное чтение. Естественно, что я начал читать с самого начала.

Узнавшие о моем возвращении бойцы один за другим набивались в землянку и оставались в ней, чтобы послушать чтение.

Была теплая летняя ночь. В землянке, тесно прижавшись друг к другу, сидели человек десять. За открытой настежь дверью на ступеньках, что вели внутрь, устроились еще человек пять. Во время чтения подходили еще солдаты, бесшумно устраивались кто где мог.

Изредка с переднего края доносилась трескотня автоматных очередей да где-то ухал, сотрясая землю, разорвавшийся снаряд.

Бойцы сидели, слушая и не шевелясь. Я читал, оставившись лишь на короткое мгновение, когда к горлу подступал ком и спирало дыхание. Но даже в паузах никто не проронил ни слова.

С того памятного дня с книжкой я не расставался, благо она свободно умещалась в кармане гимнастерки. Многие в полку просили дать почитать поэму, но я боялся выпустить ее из рук. Однако, не устояв, отдал ее начальнику связи. Прошло время, и я осведомился о книжке. Как оказалось, она была передана кому-то еще. Я ходил от одного к другому, но каждый раз снова узнавал, что книга была передана еще кому-то. Так продолжалось до тех пор, пока я не понял, что искать книгу бесполезно, да и просто нельзя было этого делать.

У каждой книги своя судьба. Поэма шла тем путем, который был ей уготован...

Потом был штурм Пскова, бои и марши, марши и бои. Было не до книги. Но я все время знал, что где-то в полку вместе с нами штурмовала Псков, шла на марше и участвовала в боях маленькая книжка, присланная мне отцом, — поэма о моем погибшем друге.

Раненая, она не уходила в госпиталь. От убитых переходила к живым. Она вместе со всеми нами делала то единственное, что должна была делать, — приближала день Девятого мая.

Быть может, и сейчас еще живет где-нибудь эта маленькая книжка в обложке когда-то белого цвета, с засаленными углами страниц, с рваными сквозными отверстиями и следами бурых пятен, с библиотечным штампом на семнадцатой странице — книжка, которая свое дело сделала до конца.

В кабинете Павла Григорьевича на столике у изголовья дивана с 1942 года стоял небольшой деревянный сундучок, окованный ажурно-узорчатой оправой. В нем хранились все документы, связанные с памятью о Володе и работой над поэмой. Пополнялся этот сундучок не один год.

Там были письма и фотографии Володи разных лет, его школьные тетради и конспекты, которые он вел в военном училище, десять червонцев и часы, присланные из воинской части вместе с «похоронкой», письма родных и друзей, черновые варианты поэмы, дневники поэта 1942 года и его письма, журнальные публикации поэмы и, наконец, самое первое ее издание отдельной книжкой в 1943 году с надписью, сделанной рукой поэта:

*«Дорогому вечному другу — Вове от папы
30/XI—43».*

С того дня, как последние письма читателей поэмы и телеграммы друзей с поздравлениями по случаю присуждения Павлу Григорьевичу Государственной премии за поэму «Сын» были сложены в этот сундучок, он больше не прикасался к нему. И лишь много лет спустя открыл однажды, чтобы дать возможность своему другу и исследователю творчества поэта Л. И. Левину ознакомиться с материалами, связанными с работой над поэмой.

Так и стоял более трех десятков лет этот сундучок на столе под портретом стриженного юноши с кубиками в петлицах.

Летом 1974 года после моей первой неудачной попытки добраться до места гибели Владимира Антокольского я пришел к Павлу Григорьевичу, чтобы переписать некоторые из писем Володи к отцу.

Пока я занимался своим делом, Павел Григорьевич что-то читал за письменным столом. Внезапно, резко повернувшись ко мне, он сказал:

— А зачем тебе сидеть тут и переписывать? Бери все вместе с сундучком и работай на здоровье. Тебе это принадлежит по праву.

От неожиданности я растерялся и, встав из-за стола, молча смотрел ему в глаза, еще до конца не понимая смысла сказанного.

— Да, да, забирай все,— повторил он.

И только после этого я начал бормотать что-то не очень связное:

— Да как же я возьму?.. Что вы, Павел Григорьевич, не могу я этого взять...

И тут он, рассердившись не на шутку, схватил рядом стоявшую палку, с которой никогда не расставался, и, стукнув ею об пол, закричал:

— Не смей отказываться!.. Забирай немедленно!..

Так неожиданно стал я обладателем бесценных документов, которые, конечно, когда закончу свою работу, передам в архив поэта.

Несколько позже и Володина мама, Наталия Николаевна, передала мне письма Павла Григорьевича к ней, написанные во время войны.

Когда познакомишься с письмами Павла Григорьевича конца 1941 года и начала 1942-го и сопоставляешь события тех дней, невольно закрадывается мысль: а ведь судьба уже исподволь подготавливала его к тому неизбежному, что должно было произойти, спустя всего лишь полгода.

Из писем Наталии Николаевне:

«25 декабря 42 г.

...Теперь должен сообщить печальные вещи... На фронте погиб Женя¹. Его отец получил об этом письмо от Жениного товарища, который был рядом с ним и видел, как все происходило.

Таким образом, погибло это чудесное 23-летнее существо, красавец, способнейший и чистый человек, ничего еще не успевший сделать в жизни кроме того, что затеплил маленькую жизнь — девочку на руках у вдовы. Я видел эту бедную семью в Казани. На них очень тяжело смотреть...»

«...В течение 2-х с половиной месяцев ничего не было известно о Мане. Лева был в кромешном ужасе, особенно после того, как получил известие о гибели Жени. И вот в начале января неожиданно Маня явилась к нам в ужасном виде, совершенно седая, больная, в лохмотьях с чужого плеча. Она вырвалась из окружения, после того как побывала в немецком плену, бежала из него, отморозила себе ноги, прошла пешком очень большое расстояние, была на волосок от гибели и т. д.

Первый ее вопрос был — правда ли о Жене? Оказывается, какой-то идиот на их лестнице не преминул услужливо встретить ее этим известием. Мы старались ее успокоить, говоря, что ничего не знаем, что мало ли что и как может еще быть, что она по себе должна знать, как неверна военная судьба и т. д. У меня не хватило духу сказать ей правду в тот вечер. Да и не нужно было открывать эту правду...»

А вот из письма Володи:

«Дорогой папочка, рад и огорчен твоим письмом. Сам понимаешь почему. Гибель Жени — это ужасно, это как удар по голове. Не хочется думать о печальном...

...Никак из ума не идет Женя, как это могло случиться? Не верится...»

И снова из писем Павла Григорьевича — Наталии Николаевне:

«...Севу Багрицкого вызвал из Чистополя ПУР, вместе с рядом других молодых писателей. Насколько я знаю, он очень стремился оттуда выехать. Когда в Казани стало известно о моем вызове, он звонил мне, советуясь о том, чтобы самому тоже выехать. Я ничем не мог ему помочь,

¹ Евгений Львович Броуде, сын М. Г. Антокольской — сестры П. Г. Антокольского. Погиб на фронте в конце 1941 г.

но за день до своего отъезда узнал, что получен этот вызов. Стало быть, теперь все дело для Севы в том, чтобы выбраться из Чистополя, а зимой это довольно трудно».

«15 февраля 42 г.

...У меня никаких новостей нет — кроме того, что объявился мой горьковский театр. Он сейчас в Москве. Обслуживает Армию. Я стал опять его худруком и очень радуюсь этому.

...У меня постоянно кто-нибудь да живет. Например, сейчас — Фадеев, с которым мы подружились еще в Казани. Маня, после того как появилась тогда в начале января, опять пропала. Очевидно, получила новое назначение.

...От Вовы у меня было только одно письмо, очень хорошее, умное, подробное, — но не знаю почему, мне кажется: грустное. Задним числом теперь он признается в том, как трудно ему было раньше в Алма-Ате: и голодал, бывало, и на голом полу лежал, и «сильно болел»... А ведь бог его знает, может быть, и теперь не легче?!»

«4 апреля 42 г.

...От Вовы последние дни было довольно много писем... Пишет, что в конце мая кончает школу и оттуда — прямо на фронт. Вот когда настанет время для самых больших волнений, об этом и подумать страшно...»

«17 апреля 42 г.

...Но вот самое грустное: погиб на фронте бедный Сева Багрицкий¹. Ему страшно не повезло. Он погиб очень быстро после того, как попал на фронт...»

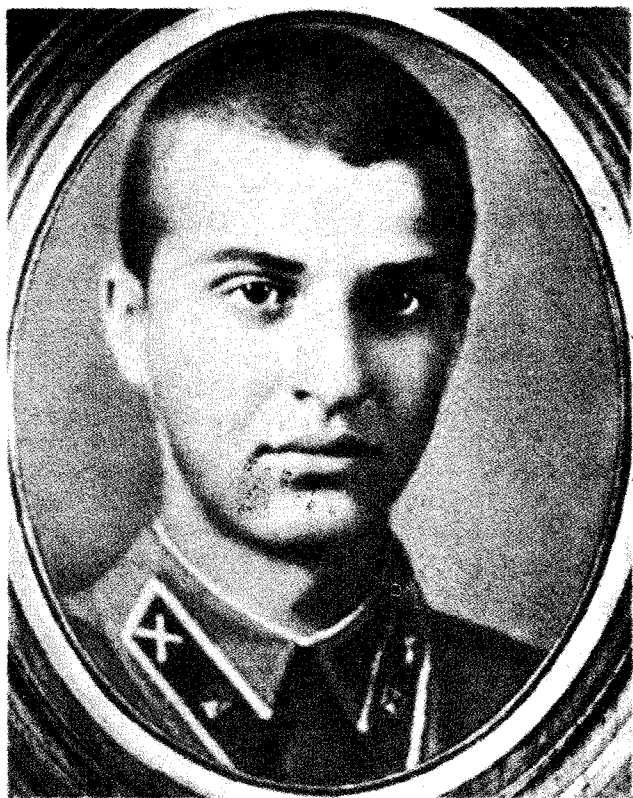
В начале июня 1942 года Володя после окончания краткосрочного противотанкового артиллерийского училища был направлен в Бронницы Московской области, где должен был получить назначение в часть. Несколько дней он прожил у отца на улице Щукина.

Из дневника Павла Григорьевича:

«8 июня

...В семь часов утра проводил я моего мальчика на Казанский вокзал. К нужному часу посыпали со всех сторон такие же, как он, юноши с черными петлицами и одним

¹ Всеволод Эдуардович Багрицкий. Погиб на Волховском фронте в феврале 1942 г.

Владимир Антокольский. Май 1942 г.

кубиком. Все совершенные ребята. Их сопровождали серьезные, притихшие, бледные отцы с матерями. Глядя на этих людей, я думал: неужели и сам такой же, истрепанный жизнью, старик? Некоторых, очень немногих, провожали девушки с ветками сирени. Мы вышли на перрон. Компания с гвалтом атаковала пустой зеленый вагон пригородного поезда, — ни дать ни взять школьная экскурсия в выходной день... До отхода поезда осталось десять минут. Вовин товарищ, Саша Басихин, прилепился к нам и не отставал от нас. Он одинок, немосквич, родители далеко, в эвакуации. И спасибо ему, что был с нами. И Вове так было проще и спокойнее, и мне легче сдерживаться перед чужим.

Поезд рванул, пошел скорее и скорее. В последний раз мелькнуло бледное ласковое и немного растерянное лицо моего дорогого мальчика».

«9 июня

Вчера вечером, часов в одиннадцать, неожиданно появился Вова. Он пробыл в Бронницах всего несколько часов, уже получил назначение и завтра едет в Армию».

«11 июня

Вчера вечером мой дорогой мальчик уехал в Армию, на фронт. Как похудел он за один вчерашний день...

Молчаливо, достойно, по-мужски, ничем не выдавая себя, пережил он и свое собственное волнение и мое. Больше всего он заботился обо мне — с удивительной деликатностью...

...Вечером пошли мы на Киевский вокзал. Зоя проводила нас до метро и, чтобы не быть третьей между нами, вернулась домой. Около часа еще провалялись на привокзальной площади. Бродили взад и вперед, болтали обо всякой ерунде, стояли плечом к плечу. А он становился все дальше и дальше от меня. Уже привыкший к расставаниям и как-то изучивший в них свою собственную природу, он до этого несколько раз просил меня не сопроводить его на вокзал. «Ты знаешь, говорил он, у меня выработалась привычка сразу переключаться в другую атмосферу...» Мне пришлось взмолиться, и Вова кротко уступил.

Внутри вокзала нас, гражданских провожающих, и вовсе не пустили. В темном вестибюле, на виду у караула и милиционеров, привыкших ко всяким видам, мы обнялись.

— Ну,— говорит Вова,— а теперь давай по-мужски,— и, улыбаясь, протягивает мне руку.

И вот он очутился по ту сторону двери, за спинами караульных. Постоял там несколько секунд. Лица не было видно. Но я чувствовал, что он улыбается очаровательной своей улыбкой. Он помахал мне фуражкой и пошел догонять товарищей».

28 июня 1942 года Павел Григорьевич получил наконец первую Володину открытку с переднего края. А 1 июля он отправляет свое первое письмо на фронт.

«Дорогой мой дружок, любимый, родной Вова!

...Все это письмо оказалось наполнено пестрой коллекцией новостей, между тем хотелось мне писать совсем о другом: о том, как ужасно тоскую о тебе, дорогой мой,

и жалею, что так недолго пробыл ты сейчас в Москве... О том, как бесконечно жду твоих милых писем, товарищ лейтенант, как стараюсь по ним живо представить тебя в новой обстановке, о том, как каждый день и час желаю тебе здоровья, сил, бодрости и счастья...

...Пиши возможно чаще, не жалея ни конвертов, ни бумаги. Имей в виду, что твои письма я дословно переписываю и отсылаю копии маме...»

12 июля Павел Григорьевич снова пишет сыну:

«Дорогой мой любимый дружок Вова!

Опять вот уже две недели, как от тебя ничего нет... Была только одна открытка от 18/VI, шла десять дней. С тех пор — ничего. Ты можешь себе представить, как это тяжело... Мама безумно беспокоится о тебе и ждет не дождется письма от тебя».

А в тот же день 12 июля заместитель командира батареи 45-миллиметровых пушек 1130-го стрелкового полка лейтенант Севрин В. И., воспользовавшись прекращением боев, примостился возле орудия огневого взвода, которым еще недавно командовал младший лейтенант Антокольский, чтобы написать отцу погибшего друга.

Оторвав половинку разлинованного двойного листа почтовой бумаги, он начал писать тем самым чернильным карандашом, который вынул тогда вместе с документами из кармана Володиной гимнастерки.

*«Действующая армия
Антокольскому Павлу Г.*

от товарища Вашего сына Антокольского Володи.

Дорогие родители, я хочу сообщить Вам о весьма печальном событии. Хоть и жаль Вас, что сильно расстраиваться будете. Но сообщаю.

Ваш сын Володя в ожесточенной схватке с немецкими разбойниками ПОГИБ смертью храбрых на поле битвы 6 июля 1942 года. Похоронен он возле реки Рессета — приток Жиздры.

До свидания,

С пламенным приветом к Вам *В. Севрин*».

Удивительные вещи подчас происходили с фронтовой почтой. Так Володино письмо отцу, отправленное 18 июня 1942 года, прибыло через 10 дней, письмо, отправленное Василием Севриным 12 июля, лежало на столе у Павла Григорьевича уже 15 числа.

Н. Н. Щеглова-Антокольская, П. Антокольский и А. Миндлин слушают магнитофонную запись рассказа о перезахоронении в братскую могилу праха Владимира Антокольского 4 июня 1977 г.

Он читал его оглушенный, не сразу осознав весь ужас обрушившегося на него несчастья.

Не выходя из-за стола, он написал Василию Севрину.
«Дорогой товарищ Василий Севрин!

Сейчас получил Ваше письмо, в котором Вы пишете о гибели моего дорогого мальчика.

Горячо благодарю Вас за то, что не пожалели меня и сразу написали, все. Очень прошу Вас, милый товарищ, сообщите, если можно, подробнее, как это случилось, как умер мой Володя.

Горячо желаю Вам здоровья и победы.

Шлю Вам сердечный привет».

В дневнике появилась запись:

«Новы нет. Маленькая жизнь кончилась не начавшись. Жизни его еще не было. Он не успел ничего. Только и успел, что вырасти здоровым, красивым, готовым для борьбы, любви, счастья. Всего этого ему не пришлось испытать. Ничего, кроме расставанья и первых впечатлений от страшной кровавой войны...

Маленький, скромный, иступленно-правдивый и честный человек почему-то, по грозной случайности природы, был моим сыном.

Сначала он был детенышем, потом кудрявым хорошеньким мальчиком, на которого все заглядывались, потом школьником, скучал, рос, становился все лучше, все краше, все умнее; вырабатывался характер, воля, свой взгляд на мир... Все это кончилось, кончилось навеки. Зачем я это пишу?»

16 июля Павел Григорьевич получил перевод на 100 рублей из Володиной части. 10 десятирублевков выпуска 1937 года, врученных ему на почте, он положил туда же, где хранились все письма Володи.

17 июля Володина мама Наталия Николаевна с оказией отправляет Павлу Григорьевичу письмо для Володи.

Когда ему передали это письмо, отправлять его уже было некому...

А 18 июля почтальон принес еще один конверт Павлу Григорьевичу. Это было его собственное письмо Володе, написанное 1 июля.

В верхнем левом углу конверта писарским почерком было выведено: «Адресат выбыл 6—07—42».

Утром 24 июля в Москве на Красной Пресне несколько часов простоял железнодорожный состав, перевозивший 1130-й стрелковый полк.

Среди тех, кто находился в теплушках, были свидетели последних часов жизни Владимира Антокольского, в том числе и Василий Севрин, кто живым словом мог бы поведать его отцу, который жил совсем недалеко. Но об этой остановке на Красной Пресне Павел Григорьевич узнал от меня тридцать с лишним лет спустя, когда я ознакомил его с выписками из документов Архива МО.

К тому времени Василий Севрин еще не получил письма Володиного отца. Оно блуждало где-то вслед за ними в поисках дивизии, сменившей участок фронта.

6 августа Павел Григорьевич пишет письмо в Ташкент Наталии Николаевне.

«Ты получишь это письмо, когда уже будешь знать все. Все! И, значит, то, что раньше могло тебе присниться в самом страшном сне, станет правдой каждого дня, правдой, с которой просыпаешься и засыпаешь, дышишь, смотришь в глаза людей, читаешь газету. Правдой...

Вовы нет. Вовы нет. Вовы нет!..

Какой-то проблеск правды в том, что мы не одни. О, если бы ты знала, если бы ты могла только представить, как много нас, осиротевших матерей и отцов... Это ничего не меняет, но заставляет быть скромным в выражениях

горя, не вопить на той улице, где все мы живем. Пускай уж вопят бедные, темные, несознательные. Пускай уж вопят и за себя, и за нас.

А нам Вова не позволял вопить. Он попрощался с нами тихо, гордо и так нежно, так по-мужски открыто и ласково, что об этом ни в какой сказке не расскажешь».

В начале сентября Павел Григорьевич совершил поездку в Ташкент, где в это время находились в эвакуации Наталия Николаевна и их дочь Наталья Павловна с недавно родившимся сыном Андреем. Надо было поддержать их в страшном горе.

Вернулся он 14 сентября и нашел у себя треугольник воинского письма от В. Севрина и конверт с обратным адресом воинской части Володи.

Конверт он вскрыл первым. В нем было официальное извещение:

«Ваш сын младший лейтенант Антокольский Владимир Павлович, уроженец города Москва, в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 6.07.42 г. и похоронен в Орловской обл. восточнее д. Сусея.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

Командир части (Подпись). Военный комиссар (Подпись)».

Прочитав это, Павел Григорьевич развернул треугольник.

«От Севрина Васи. Действующая армия.

Дорогому Павлу Антокольскому.

Тов. Антокольский, извините за нескромность обращения. Я не знаю Вашего отчества, а по имени одному назвать я не могу, так как Вы гораздо старше меня.

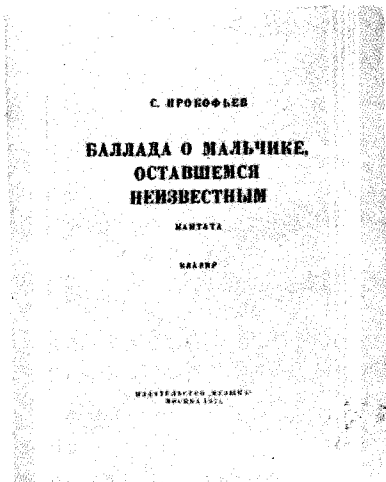
Здравствуйте, дорогой тов. Антокольский.

Разрешите передать пламенный, боевой привет и массу самых наилучших пожеланий в Вашей жизни и работе.

Спешу сообщить, что письмо я Ваше получил, за которое сердечно благодарю. Но с ответом немного замедлил. В эти дни шли ожесточенные бои. И времени свободного не было ни минуты. Но, я думаю, Вы осознаете. И не обратите особого внимания. Итак опишу о Володе.

Володя — мой боевой товарищ. Мы с ним были вместе в одной батарее. И пришлось вместе поучаствовать в бою.

В один из июльских дней мы получили боевой приказ: двинуться в бой. Это было на притоке р. Жиздры Рессета Орловской области.

С. Прокофьев. Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным. Обложка. Первый лист.

И в первой же боевой схватке его сразила вражеская пуля.

Он лежал в окопе. И, по-видимому, хотел подойти к своему орудию. Только поднялся с окопа, и ему ударила в верхнюю губу — пробила и в полости рта разорвалась. И в этот миг жизнь любимого товарища Володи закончилась.

Похоронили его на берегу этой реки Рессета между 4-мя небольшими дубами.

За тов. Анток (...) и за жизнь Вашего сына мы постараемся уничтожить не один десяток этой сволочи.

Он погиб, но его боевые дела не погибли.

Он погиб за счастье народа».

Перечитав письмо дважды, Павел Григорьевич тут же написал Васе.

«14 сентября 42 г.

Дорогой Вася!

Спасибо тебе за второе письмо о моем дорогом мальчике, о его гибели... Ты столько сделал для меня своими письмами, что мне захотелось обратиться к тебе на «ты», как к родному сыну — ты не обидишься на это?

Милый дружок, если будет время и охота, напиши как-нибудь, о чем вы говорили с Володей, что он рассказывал. Ведь после 18 июня Володя ничего не писал мне, так что я совсем не знаю, как он прожил последние дни своей короткой жизни.

Вася! У меня, как у тебя, как у всех советских честных людей, есть одно только чувство и одно желание — мстить черной сволочи, испоганившей нашу святую землю.

Будь они трижды прокляты, эти наемные убийцы и палачи, выродки. Это — не люди. Да и зверьми не хочется их называть — зачем обижать зверей? Мстить им, мстить до скончания веков. Отольются им наши слезы. Они заболели и высохнут от такого черного ужаса, по сравнению с которым все наши страдания — ничто!

Милый Вася, желаю тебе здоровья, удачи, боевой славы. Будь невредим до конца войны. Когда ты вернешься к мирному труду уже другим, взрослым человеком, будет у тебя любимая женщина, жена и подруга, достойная тебя. Пускай она родит тебе хорошего сыночка.

Пожелаем этому будущему человечку — никогда, никогда не воевать, жить и жить на зеленой, свободной советской земле, под солнцем великой ленинской правды, за которую сегодня льется кровь.

Милый Вася, горячо обнимаю тебя и целую. Еще раз — будь здоров и еще раз низко кланяюсь тебе и благодарю за ласковые слова, которые ты нашел для меня. Спасибо тебе за правду.

До свидания, дорогой товарищ.

Твой навсегда Павел Антокольский».

В тот же день Павел Григорьевич написал письмо и в Ташкент.

«14 сентября 42 г.

Милая, родная Наташа!

Сегодня в 11 ч. утра я прилетел и нашел официальное извещение о гибели Вовы, а также подробное письмо Васи Севрина о том, как это произошло. Из этого письма явствует, что Вова не мучился, он погиб сразу. Это — единственная удача за всю его короткую бедную жизнь и единственное наше с тобой утешение.

Наташа, дадим еще раз слово друг другу никогда ничем не утешаться, не искать утешения ни в каком призраке. У нас нет сына, нет этого прекрасного, благородного, стройного юноши, который в тысячу раз больше нас имел право

на жизнь, на труд, на творчество, на все то, что, к сожалению, у нас осталось.

Да, к сожалению. Конечно, придется жить, трудиться, даже «творить». Мы с тобой об этом говорили, и вот сейчас (хотя все как будто ясно) мне кажется, что мало говорили, так и расстались, не сказав, не вспомнив о главном. А главное — это Он, наш родной, маленький, взрослый, наш беззащитный защитник...

...Наташенька, очень тебя прошу серьезно побереги себя на старости лет. Не надрывайся. Не склоняй голову ниже, чем это сделала уже жизнь. Ты поймешь, что я хочу сказать...»

Опустив вечером того же дня оба письма в почтовый ящик, Павел Григорьевич не мог знать, что еще днем один из его адресатов — Василий Севрин — был тяжело ранен.

Сначала его отправили в медсанбат, а оттуда — в тыловую госпиталь. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Ровно через две недели после того, как было отправлено письмо Севрину, оно вернулось в Москву нераспечатанным. На обратной стороне конверта карандашом было написано: «Адресат выбыл».

Так прервалась последняя нить, связывавшая отца с тем, кто был свидетелем гибели его сына.

Василий Севрин все-таки прочитал это письмо, хотя и произошло это сорок лет спустя, когда оно было опубликовано в одном из журналов. Павла Григорьевича тогда уже не было в живых...

Из письма Наталии Николаевне 10 февраля 1943 года: «Поэма, которую я посылаю, печатается в журнале «Смена» и отдельной книжкой...

Я очень хотел, чтобы в журнале был портрет Вовочки, и редакция пошла на это. Но ЦК комсомола резко возражает. В этом возражении есть элемент правоты: они стремятся, чтобы поэма прозвучала возможно шире и обобщеннее. С ними приходится соглашаться еще потому, что именно комсомольская печать — единственно подходящая для памяти, достойной Вовы.

Весь гонорар пойдет на танки».

Минуло 35 лет со дня гибели Владимира Антокольского.

С того времени, как удалось установить точное местонахождение его могилы, мысль о ее посещении не покидала меня.

Первая попытка летом 1974 года осуществить это, как я писал в начале, оказалась безуспешной. Не доехав каких-нибудь 60—70 км, я вынужден был вернуться обратно.

Нездоровье, вызванное последствиями войны, все чаще приковывало меня к постели, и совершать длительные поездки на машине, да еще по бездорожью, мне было трудно.

Лишь в мае 1977 года смог я наконец осуществить такую поездку.

А 4 июня мы с женой приехали в Пахру на дачу к Павлу Григорьевичу.

За столом кроме него сидели Наталия Николаевна и Наталья Павловна — мать и сестра Володи.

Молча, не прерывая меня, слушали они рассказ о нашей поездке в Калужскую область на могилу Володи.

Я передал им фотографии братской могилы, в которой покоится его прах. Прослушали и магнитную запись рассказа человека, перезахоронявшего прах младшего лейтенанта — артиллериста в братскую могилу села Брусна.

И, наконец, я вручил родителям гильзу от крупнокалиберного пулемета с землей братской могилы.

Павел Григорьевич встал и, держа ее обеими руками перед собой, склонил над ней голову. Затем, очнувшись, он протянул ее Наталии Николаевне со словами:

— Это — тебе. Ты храни.

Он передал ее в надежные материнские руки, словно предвидя, что они сохранят эту святую для них землю дольше, чем смог бы это сделать он сам.

Внезапно он исчез, и я услышал его тяжелое дыхание — он поднимался по лестнице в свой кабинет на втором этаже.

Я подумал, что Павел Григорьевич, разволновавшись, захотел побыть в одиночестве. Однако вскоре он спустился и неожиданно протянул мне маленькую книжечку с крупными синими буквами на обложке — «Сын». Это было первое издание поэмы в 1943 году — единственный экземпляр, оставшийся у Павла Григорьевича.

— Ты всегда хотел иметь ее, — сказал он.

Разве можно было в такой момент обидеть его отказом?..

Поэма «Сын» — это камень, что поставлен на братской могиле села Брусна Отцом — Сыну, Поэтом — всему героическому поколению его сверстников.